Изданіе Братства св. Михаила, кн. Черниговскаго.

СЧАСТЬЕ И ВѢЧНОСТЬ.

(Религіозно-философскій очеркъ для ищущей Бога интеллигенціи).

Прот. В. Сокольскій.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія
1914.

Печ. дозв.: 27 марта 1914 г. Цензоръ, Ректоръ Черниговской духовной Семинаріи Протоіерей *Василій Сокольскій*. Черниговъ. Типографія Губернскаго Правленія.

227
36

Счастье и вѣчность.

(Религіозно-философскій очеркъ, для ищущей Бога интеллигенціи).

Содержаніе: Современный взглядъ:—а) обыденный, б) философскій и в) футуристическій. Взглядъ ветхозавѣтнаго мудреца. Гдѣ преимущество? Вѣчность по отношенію къ счастью. Этапы мысли,—пространство и время. Вѣчная жизнь и ея сущность. Универсальное счастье живыхъ и умершихъ.

Эпиграфомъ предлагаемой вашему просвѣщенному вниманію религіозно-философской лекціи, на тему: „Счастье и вѣчность“ —можетъ служить слова Премудраго Соломона: „Только далъ бы мнѣ Богъ говорить по разумѣнію и достойно мыслить о дарованномъ. ибо въ рукѣ Его и мы, и слова наши, и всякое разумѣніе и искусство дѣланія“ (Пр. Солом. 7, 15—17).

У Достоевскаго, любимѣйшаго писателя среди ищущей Бога интеллигенціи, въ романѣ „Братья Карамазовы“ есть одно стильное мѣсто о счастьѣ. Старецъ Зосима говоритъ маловѣрной дамѣ: „для счастья созданы люди, и кто вполнѣ счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ“.

Когда заговариваютъ о счастьѣ, мысли какъ-то невольно предносится красивая картина талантливаго художника; гора... на горѣ сіяетъ звѣзда счастья. Цѣлыми толпами устремляются на вершину горы люди, толкая и давя другъ

друга.. Имъ хочется схватить эту лучезарную звѣзду счастья... Недостатокъ этой картины рельефно ясенъ и происходитъ онъ отъ того, что эта картина является реальнымъ отраженіемъ личной дѣйствительности. Всѣмъ хочется получить счастье лично для себя, не заботясь о счастьѣ другихъ. Потому то и происходитъ эта вѣчная борьба жизни, что люди, какъ люди, хотя и слабыя созданія и требующія къ себѣ всякаго снисхожденія, сами то мало снисходятъ къ другимъ, а основанія ихъ міропониманія, философскія системы и дводятъ подъ свои излюбленные тезисы, кои мало отвѣчаютъ истинному понятію о счастьѣ. Вѣдь, *основной принципъ счастья тотъ что истинное счастье должно быть универсально, всеобъемлюще.*

Общепринятое ходячее мнѣніе опредѣленно указываетъ на то, что счастье заключается, прежде всего, въ обладаніи деньгами, богатствомъ; даже выработалась пословица, недостойная христіанина:—„деньги не Богъ, а полъ-Бога.“ Такому внѣшнему пониманію идеи счастья достаточно противопоставить другое слово народной мудрости—„и чрезъ золото слезы льются“. У иного богача домъ полная чаша; по улицамъ, залитымъ снопами электрическаго свѣта, онъ мчится въ шикарно отдѣланной коляскѣ на резиновыхъ шинахъ, влекомый орловскимъ рысакомъ. Но это лишь видимость. На сердцѣ у него „кошки скребутъ“: у иного жена сбѣжала, у другого сынъ пьяница, у третьяго—предпріятія готовы потерпѣть крушеніе, а самое главное душа-то—тоскуетъ и болитъ; въ иной моментъ богачъ радъ былъ бы отдать все—свое состояніе за миръ и спокойствіе духа. „Все куплю—сказало злато“, но только не спокойствіе совѣсти, которую ничѣмъ нельзя обмануть.

„Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
Душа сгоритъ нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится..:
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

(Пушкинъ «Борисъ Годуновъ»)

Такъ богатство, даже соединенное съ высшей властью, не можетъ дать человѣку истиннаго счастья. „Горе вамъ, свидѣтельствуетъ пророкъ Исаія, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ. Въ уши мои сказалъ Господь Саваоѳъ: многочисленные домы эти будутъ пусты, большіе и красивые безъ жителей (5, 8—9). И св. апостолъ Іаковъ усиленно предостерегаетъ богатыхъ: „послушайте вы богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило, одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ и съѣстъ

плоть вашу, какъ огонь; вы собрали себѣ сокровища на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа“ (5, 1 – 5).

Другіе, исповѣдуя, что не въ деньгахъ счастье, стараются найти его въ наслажденіяхъ жизнью. Здоровый смѣхъ, веселье, вино, музыка — вотъ что они считаютъ идеаломъ счастья. Не говоря уже о томъ, что здоровье понятіе относительное, да и въ любой моментъ — человѣкъ, какъ трава, дни его, какъ цвѣтъ полевой, дохнулъ вѣтеръ и нѣтъ его (Давидъ), нельзя полагать, что душа человѣка можетъ успокоиться „въ забытьи, какъ во снѣ“ даже въ моментъ наслажденія .Веселый человѣкъ видитъ слишкомъ много плачущихъ: вино, хотя и веселитъ сердце человѣка, но выпитое въ чрезмѣрномъ количествѣ до опьяненія, въ которомъ человѣкъ можетъ найти себѣ забытье, превращаетъ человѣка въ пса, возвращающагося на свою блевотину. Горько и обидно тогда человѣку за человѣка! Да и самое наслажденіе ежедневно должно быть возбуждаемо уже не въ ариѳметической, а геометрической прогрессіи, чтобы хоть сколько нибудь успокоить взбудораженные нервы праздполюбца, вѣчно ищущаго наслажденій. Такой человѣкъ сильно скучаетъ, не знаетъ, куда ему дѣвать свою персону. надоѣдаетъ всѣмъ трудящимся людямъ, и даже истинно пріятное наслажденіе, пѣніе и музыку способенъ опошлить въ скабрезную пѣсню и разгульный кафе-шантанный канканъ-танго. „Беззаконіе ихъ, какъ огонь, разгорѣлось, пожираетъ терновникъ и колючій кустарникъ и пылаетъ въ чащахъ лѣса, и подымаются столбы дыма, такъ что не пощадитъ человѣкъ брата своего и будутъ рѣзать по правую сторону — и останутся голодны, и будутъ ѣсть по лѣвую — и не будутъ сыты“ (Исаія 9,

18—20). Ротъ результатъ ихъ дѣятельности. И дивный Исаія предупреждаетъ всѣхъ: „горе тѣмъ, которые храбры пить вино и сильны приготовлять крѣпкій напитокъ. За то, какъ огонь съѣдаетъ солому, и пламя истребляетъ сѣно, такъ истлѣетъ корень ихъ, и цвѣтъ ихъ разнесется какъ прахъ, потому что они отвергли законъ Господа Саваоѳа и презрѣли имя святого Израиля. За то возгорится гнѣвъ Господа и поразитъ ихъ, такъ что содрогнутся горы, и трупы таковыхъ будутъ, какъ пометъ на улицахъ. И при всемъ этомъ гнѣвъ Его не отвратится, и рука Его еще будетъ простерта. А они противъ Господа, оскорбительны для очей славы Его. Выраженіе лицъ ихъ свидѣтельствуетъ противъ нихъ, и о грѣхѣ своемъ они разсказываютъ открыто, какъ Содомляне, не скрываютъ горе душъ ихъ, ибо сами на себя навлекаютъ зло (Исаія 4, 5 и 6 главы).

Иные ищутъ стастья въ дружбѣ, женской любви и личномъ счастьѣ. Всѣ эти идеалисты, если только отступятъ отъ великаго вселенскаго союза братства христіанъ, остаются безпомощны. Человѣкъ измѣнчивъ. Дружба не постоянна. Женская любовь относительна, а личное счастье безъ общаго блага невозможно. Даже семейный союзъ, когда онъ не представляетъ изъ себя домашней церкви и не освященъ благодатнымъ таинствомъ брака, чрезвычайно непрочень, о чемъ говоритъ статистика не только Россіи, но особенно Франціи, Англіи и Америки. Расшатанность семейныхъ узъ, по всѣмъ наблюденіямъ, представляется поразительною и сдѣлалась эпидемическимъ соціальнымъ зломъ. Число ежегодныхъ разводовъ увеличивается. Христіане желаютъ введенія, какъ со стороны государства, такъ и со стороны церкви болѣе строгихъ законовъ касательно заключенія браковъ и разрѣшенія развода.

Личное счастье помимо нравственнаго союза съ Богомъ нисколько не удовлетворяетъ человѣка, заставляя глубоко задумываться, „что день грядущій намъ готовитъ“. „Такъ говоритъ Господь Богъ: ты мечтала вѣчно буду госпожею, а не представляла того въ умѣ твоемъ, не помышляла, что будетъ послѣ. Но нынѣ выслушай это, изнѣженная, живущая безпечно, говорящая въ сердцѣ своемъ: я — и другой подобной мнѣ нѣтъ: не буду сидѣть вдовою и не буду знать потери дѣтей. Но внезапно въ одинъ день, придетъ къ тебѣ то и другое — потеря дѣтей и вдовство; въ полной мѣрѣ придутъ они на тебя, не смотря на множество чародѣйствъ твоихъ и на великую силу волшебствъ твоихъ. И придетъ на тебя бѣдствіе: ты не узнаешь, откуда оно поднимется, и нападетъ на тебя бѣда, которой ты не въ силахъ будешь отвратить, и внезапно придетъ на тебя пагуба, о которой ты и не думаешь. Горе тому, кто препирается съ Создателемъ своимъ, — черепокъ изъ черепковъ земныхъ. Скажетъ ли глина горшечнику: что ты дѣлаешь и твое дѣло скажетъ ли тебѣ — у него нѣтъ рукъ. А Господомъ будетъ оправдано и прославлено все“. (Исаія 45, 46 – 47 гл.).

Интеллигентные люди думаютъ найти себѣ счастье въ трудѣ Такъ, Дюма рекомендуетъ правило, чтобы въ трудѣ человѣка принимало дѣятельное участіе и сердце человѣческое. Гильти, Бернскій профессоръ, проводитъ мысль, что счастье дается трудомъ, но только въ соединеніи съ чистотою душевною. Левъ Толстой учитъ, что несчастіе людей бываетъ не столько отъ того, что они не дѣлаютъ, сколько отъ того, что дѣлаютъ не нужное дѣлать, но справедливо замѣчаетъ профессоръ Царевскій, что когда человѣкъ въ свободные часы, каковыхъ у него полныя сутки, трудится, примѣрно, заучивая какую нибудь симфонію или рисуя пейзажъ, или вырѣзывая без-

дѣлушку изъ дерева, онъ, безъ сомнѣнія, получаетъ удовольствіе и можетъ быть въ трудѣ своемъ счастливъ, но для большинства людей трудъ есть неизбѣжный и неотвратимый удѣлъ человѣка. Трудъ каменщика, ключника, рудокопа, наборщика, работающихъ изъ-за куска насущнаго хлѣба и въ изнуреніи падающихъ каждую ночь на жесткую постель, чтобы съ новымъ разсвѣтомъ снова приняться за то же тяжкое изнурительное занятіе, такой трудъ едва ли въ какомъ бы то ни было смыслѣ можно назвать „величайшею роскошью, лучшимъ другомъ, истиннымъ утѣшеніемъ человѣка".

Итакъ, счастья нѣтъ и въ трудѣ. Обыкновенно стараются подсказать, что здѣсь разумѣется не столько физическій трудъ, сколько умственный. Но нельзя забывать, что многообразныя изобрѣтенія, открытія, величавыя созданія новой культуры— аэропланы, аэростаты, иксъ-лучи, пронизывающіе тѣло и иксъ-лучи, взрывающіе порохъ на разстояніи—не только стоятъ человѣчеству невѣроятнаго труда, но и безсчетныхъ жертвъ. Мы съ восторгомъ любуемся грандіозными сооруженіями, которыя приносятъ намъ удобства и пріятности,—а стоитъ подумать, во сколько обошлись эти сооруженія другимъ, такимъ же, какъ мы, людямъ. Сентготардскій туннель, Эйфелева башня, Кильскій каналъ, Сызранскій мостъ сколько жертвъ человѣческихъ потребовали, сколько увѣчій, болѣзней, ужасовъ, страданій стоили тѣмъ безмѣрнымъ труженикамъ, которымъ мы обязаны этими сооруженіями. Съ поразительной ясностью вопросъ этотъ выдвинутъ великимъ Достоевскимъ въ разговорѣ братьевъ Карамазовыхъ, гдѣ подвергаются суровой оцѣнкѣ творческіе замыслы Бога, открываются всемірно-историческая даль и глубь вѣковъ, гдѣ возносится къ Богу вопіямъ человѣческой мысли.

— Скажи мнѣ самъ, кричитъ Иванъ, представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, одного только ребенка, и на неотомщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ? Скажи и не лги.

— Нѣтъ—не согласился бы, тихо отвѣчаетъ Алеша.

„И можешь ли ты, продолжаетъ Иванъ, допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ—остаться на вѣки счастливыми".

— Нѣтъ, не могу допустить, отвѣчаетъ Алеша, какъ бы выражая мысль св. пророка Исаи: мудрость твоя и знаніе твое—они сбили тебя съ пути (47 гл. 10.).

Итакъ, мы видимъ, что ходячіе взгляды и распространенное пониманіе счастья не могутъ быть приняты даже мало интеллектуально развитымъ человѣкомъ. Чувственное наслажденіе благами, усовершенствованія современнаго комфорта, пресловутыя деньги, цвѣтущее здоровье, колосальныя богатства, искренняя дружба, непарушимый миръ—съ одними лишь эгоистическими разсчетами, не могутъ составить истиннаго счастья даже въ здѣшней земной жизни просто-на-просто въ силу того, что они измѣнчивы, непрочны и непостоянны. И такъ какъ они не имѣютъ освѣщенія вѣчности, то и носители ихъ не могутъ возвыситься надъ мелкими эгоистическими разсчетами и предпочесть высшіе духовные интересы въ жизни. Даже ученый, обработывающій любимый свой предметъ, достигшій славы и извѣстности, не можетъ

считать себя совершенно свободнымъ отъ давленія страстей и культа плоти.

Но, можетъ быть, современная философія дастъ намъ отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ истинное счастье?

Наиболѣе видными теоріями, рѣшающими вопросъ о счастьѣ жизни—являются эвдемонизмъ, утилитаризмъ и идеализмъ. Эвдемонизмъ—счастье жизни полагаетъ въ удовольствіи, утилитаризмъ - въ достиженіи личной и общественной пользы, идеализмъ—въ служеніи добродѣтели. Принципъ эвдемонизма, полагая счастье жизни въ удовольствіи, не даетъ даже отвѣта на вопросъ—что именно разумѣется подъ удовольствіемъ. А такъ какъ всякое удовольствіе приводитъ къ переутомленію въ жизни, и къ мертвящей холодной скукѣ, то принципомъ эвдемонизма можетъ жить только человѣкъ, отрицающій и человѣчество, и вѣчность и безсмертіе, да и въ здѣшней земной жизни онъ не можетъ найти себѣ счастье, какъ это мы видимъ изъ примѣра древнихъ эвдемонистовъ: Петронія, Лукулла и имъ подобныхъ адептовъ культа чувственныхъ наслажденій. Принципъ утилитаризма думаетъ дать счастье человѣку въ служеніи человѣчеству, но въ чемъ должно выразиться это служеніе и какіе конечные результаты долженъ преслѣдовать человѣкъ въ своей дѣятельности, утилитаризмъ не открываетъ. Самое понятіе пользы, принципа, на которомъ зиждется идея утилитаризма—понятіе не абсолютное, а слишкомъ относительное. Что для одного полезно, для другого вредно. Примѣръ, выхваченный прямо изъ жизни, легко можетъ подтвердить это основоположеніе. Горитъ домъ. Въ немъ находятся больные дѣти и старикъ. Долженъ ли утилитаристъ спасать ихъ изъ огня, или нѣтъ? Что можетъ дать пользы омертвѣлый старикъ или явно выраждающееся дитя—дегенератъ, можетъ быть идіотъ или

эпилептикъ? Слѣдуя своему принципу, утилитаристъ долженъ покинуть находящихся въ пламени безпомощными, если только онъ увѣренъ, что это—для него нравственно полезное удовольствіе можетъ нанести существенный ущербъ семьѣ данныхъ личностей. Человѣческое чувство совершенно не можетъ помириться съ таковымъ положеніемъ дѣла, и если холодный умъ утилитариста можетъ найти счастье въ подобномъ постыдномъ дѣяніи, то для обыкновеннаго человѣка—это не счастье, а преступленіе, и при томъ тяжкое.

Принципъ идеализма, поднимаясь выше соціальныхъ условій жизни, указываетъ счастье человѣка въ самомъ человѣкѣ—въ сознаніи человѣкомъ своей безконечной цѣнности и развитіи этой цѣнности путемъ безконечнаго усовершенствованія, впрочемъ не указывая того пути, какимъ можно достигнуть истиннаго счастья. Значитъ и послѣдніе выводы философіи по вопросу о счастіи подходятъ къ тому рѣшенію, что истинное счастье возможно лишь подъ условіемъ предпочтенія высшихъ духовныхъ интересовъ въ жизни всякимъ матеріально-эгоистическимъ разсчетамъ; слѣдовательно, философія счастья выдвигаетъ идеальную его сторону въ развитіи принциповъ душевной жизни, а вовсе не эмпирическую сторону, являющуюся фикціею счастья, а не вѣчно живымъ и дѣйствительнымъ его идеаломъ

Въ самое послѣднее время появилось модное направленіе подъ именемъ футуризма, отъ латинскаго слова futurus—будущій. Его основателемъ считается итальянецъ Маринетти. По его мнѣнію, единственное счастье жизни—въ футуризмѣ, а футуризмъ это—юность, стремящаяся на встрѣчу новымъ радостямъ, это не рѣшеніе какихъ либо вопросовъ а просто броженіе молодого вина; варварская пляска во славу будущихъ рѣшеній. Согласно великой надеждѣ футуристовъ вся-

кій авторитетъ, всякое право, всякая власть должны быть отняты у мертвыхъ и отходящихъ и отданы молодымъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Основу футуризма составляетъ такъ называемый индивидуализмъ, который отразился и въ философіи, и въ поэзіи, и въ музыкѣ. Стремясь къ полному *обнаженію* личности, къ освобожденію ея отъ всякихъ законовъ и предписаній, отъ всякихъ условностей, футуризмъ въ сущности узаконяетъ полный произволъ личности, полную ея разнузданность. Являясь развитіемъ индивидуализма „властителя думъ“ Фридриха Ницше, который свое *„я такъ хочу“* возвелъ на степень верховнаго закона жизни, футуризмъ отличается необычайной грубостью и обѣщаетъ лишь одну опьяняющую радость жизни въ молодыхъ лѣтахъ, слѣдовательно, ни о какомъ разумномъ человѣческомъ счастьѣ и не можетъ быть рѣчи; здѣсь одно лишь животное счастье, коимъ не можетъ удовлетвориться ни одинъ человѣкъ „въ здравомъ умѣ и твердой памяти“.

Осмѣянные въ Италіи, футуристы перешли въ Англію, но и тамъ потерпѣли пораженіе. Прошлой осенью они сдѣлали нѣсколько безславныхъ публичныхъ выступленій въ Москвѣ и въ Петербургѣ, окончившихся полнымъ fiasco. Обиднымъ результатомъ ихъ моднаго вліянія было лишь слѣдующее сообщеніе одной изъ Петербургскихъ газетъ: „15 декабря, въ 3 часа дня, на Невскомъ проспектѣ, около пассажа прогуливались двѣ футуристки съ раззолоченными носами и выкрашенными зеленой краской щеками. Въ одной изъ нихъ узнали окончившую недавно одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ“.

Итакъ, какъ это ни горько, счастье футуристовъ выразилось въ раззолоченныхъ носахъ и въ размалеванныхъ щекахъ. Исполнилось на нихъ слово пр. Михея: „если бы

какой либо вѣтренникъ выдумалъ ложь и сказалъ: „я буду проповѣдывать тебѣ о винѣ и сикерѣ“; это онъ и былъ бы угоднымъ Проповѣдникомъ“ (2. 11). А поэзія футуристовъ, какъ и все міровоззрѣніе, должна быть „руководящей линіей между жизнью и личнымъ переживаніемъ“. Что это за литература — можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ футуристическихъ стихотвореній: — „каждый молодъ, молодъ, молодъ, въ животѣ чертовскій голодъ, будемъ лопать пустоту“... „Женскіе поцѣлуи падаютъ на футуристовъ „какъ окурки“.. „Небо пахнетъ выменемъ“ и т. д.... Но... оставимъ футуристическія бредни и перейдемъ къ серьезному.

Вопросомъ о счастьѣ занимались всѣ древнѣйшіе мыслители: китайскіе, индійскіе, греческіе и римскіе, но для насъ чрезвычайно интересно прослѣдить развитіе вопроса о счастьѣ по взгляду самаго образованнаго ветхозавѣтнаго мудреца, царственнаго Соломона.

Въ священной книгѣ „Экклезіастъ“ мы находимъ разныя философскія воззрѣнія. Не смотря на то, что царь Соломонъ жилъ приблизительно за 800 лѣтъ до Рождества Христова, мы имѣемъ здѣсь начатки греческой философіи. Единственно положительное добро есть удовольствіе и оно, по взгляду эпикурейцевъ, циниковъ и даже стоиковъ, составляетъ единственную цѣль жизни, такъ что, конспективно излагая философскіе взгляды и теоріи своего времени, Соломонъ предвосхитилъ мысль греческихъ философовъ и основательно разобралъ ее. „Я, говоритъ онъ, предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ домы, посадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи, насадилъ въ нихъ всякія плодовитыя дерева; пріобрѣталъ себѣ слугъ и служанокъ; собралъ себѣ серебра и золота; завелъ у себя пѣвцовъ и

пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ; что бы глаза мои не пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ удачахъ моихъ, и это было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ (2 гл.). Чего было еще желать человѣку? Онъ могъ жить въ полное свое удовольствіе, но, однако, Соломонъ говоритъ: и оглянулся я, дѣлая ихъ: и вотъ все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ (1 гл 11 ст.). Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я себя весельемъ и наслажусь добромъ; но это суета. О смѣхѣ сказалъ я: глупость, а о веселіи: что оно дѣлаетъ? Вздумалъ я въ сердцѣ моемъ услаждать виномъ тѣло мое и, между тѣмъ какъ сердце мое руководилось мудростью, придержаться къ глупости, доколѣ не увижу—что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были они дѣлать подъ небомъ въ немногіе дни жизни своей" (ст. 2—3). Не удовлетворившись однимъ лишь удовольствіемъ, Соломонъ сталъ стремиться къ общественному благу. Онъ восхваляетъ жизнь общественную и общее благо людей; „суета—человѣкъ одинокій, говоритъ онъ, и другаго нѣтъ: ни сына, ни брата его, а всѣмъ трудамъ его нѣтъ конца, и глазъ его не насыщается богатствомъ. Для того ли я тружусь, и лишаю душу мою блага? и—это суета и недоброе дѣло. Двоимъ лучше, нежели одному; потому что у нихъ есть доброе вознагражденіе людей: ибо если упадетъ одинъ, то другой поднимаетъ товарища своего, но горе одному, когда упадетъ, а другого нѣтъ, который бы поднялъ его, и если станетъ преодолѣвать кто нибудь одного, то двое устоятъ противъ одного; и нитка втрое скрученная не скоро порвется" (4 гл. 8 - 10 ст.). Сознаніе личнаго счастья тоже не удов-

летворяло Экклезіаста. „Вотъ слезы угнетенныхъ, писалъ онъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетателей ихъ сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видѣлъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ“ (4, 2—3). Человѣкъ, который ищетъ счастья въ жизни, ищетъ его, конечно, не для того, чтобы проповѣдывать смерть и самоуничтоженіе, а явное дѣло—желаетъ обнять принципы счастья во всей ихъ широтѣ и глубинѣ, показывая, какую цѣнность они придаютъ жизни того человѣка, кто желаетъ ими регулировать свою жизнь и свою дѣятельность.

Въ концѣ своей книги Соломонъ приближается къ чистому принципу идеализма, не безпочвенному, каковъ современный идеализмъ, а обоснованному стремленіемъ къ истинѣ, добру и правдѣ, т. е. къ Богу. Экклезіастъ, пишетъ онъ, былъ мудръ: онъ училъ народъ знанію. Онъ все испыталъ, изслѣдовалъ и составилъ много притчей, а что сверхъ все этого, сынъ мой, того берегись: составлять много книгъ—конца на будетъ, и много читать—утомительно для тѣла Выслушаемъ сущность всего: бойся Бога и заповѣди Его *соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка*, ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо ли оно, или худо. (13—14). Итакъ, иди ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой, и пей въ радости сердца вино твое, когда Богъ благоволитъ дѣламъ твоимъ (9, 7 ст.).

Выводы ветхозавѣтнаго мудреца имѣютъ неоспоримое преимущество предъ современнымъ выводомъ эвдемонизма, утилитаризма и идеализма, ибо онъ разсматриваетъ вопросъ не съ *внѣшней* точки зрѣнія, какъ онъ выражается—*всѣ тру-*

ды человѣка для рта его, а душа его не насыщается (6 – 7), а съ точки зрѣнія *внутренняго человѣка*: только это я нашелъ, пишетъ онъ, что Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а люди пустились во многіе помыслы (7 гл. 29 ст.). Онъ стоитъ по своему религіозно-философскому развитію гораздо выше христіанъ римской имперіи XVI в., кои питали слишкомъ большое довѣріе къ внѣшнему и наружному и скорѣе способны были носить книгу Евангелія на шеѣ, какъ амулетъ или талисманъ, чѣмъ проводить и исполнять въ жизни ученіе св. Евангелія.

Ближайшее знакомство съ философами древняго и новаго міра доказываетъ намъ, что *стремленіе* къ истинѣ, добру и правдѣ присуще человѣческому духу. Но истина не въ томъ, что дается наукой, потому что *не всѣ* могутъ быть умственно развиты и, слѣдовательно, воспринять послѣднее слово научнаго знанія; добро—не въ эстетическомъ развитіи, которое является достояніемъ избранныхъ, и правда—не во внѣшне-матеріальной красивой и богатой оболочкѣ жизни, чего могутъ достигнуть лишь немногіе, а въ томъ нравственномъ совершенствованіи человѣка, которое отъ данной среды зависитъ гораздо менѣе, чѣмъ умственное и эстетическое совершенствованіе. Между тѣмъ *право на счастье имѣютъ всѣ люди*. Если бы счастье зависѣло исключительно отъ внѣшнихъ условій жизни, оно было бы достояніемъ самаго незначительнаго меньшинства людей, и такимъ образомъ одна изъ главныхъ цѣлей существованія человѣка, очевидно, не достигалась бы; значитъ *для истиннаго рѣшенія вопроса о счастьѣ нужно отрѣшиться отъ внѣшнихъ временныхъ условій жизни и выйти за предѣлы пространственныхъ воспріятій*, къ чему мы обязываемся самыми формами нашего мышленія.

Человѣкъ можетъ мыслить лишь въ пространствѣ и во времени. Между тѣмъ, время и пространство сами по себѣ внѣ человѣка не существуютъ. Являясь категоріями нашего мышленія, они лишь обязываютъ насъ размышлять, выражаясь по Достоевскому—„эвклидовскимъ умомъ", связывающимъ мысль ограниченнымъ опытомъ чувственнаго познанія. Выйдя же за предѣлы умопредставляемой сферичности, т. е. четвертаго измѣренія, о которомъ такъ ясно писалъ англійскій мыслитель Хинтонъ и нашъ русскій математикъ Лобачевскій—человѣкъ въ состояніи дать точный и ясный отвѣтъ на вопросъ—что такое истинное счастье. Во-первыхъ, истинное счастье прежде всего—универсальное счастье не для отдѣльной какой либо личности, а для всѣхъ вообще сущихъ въ мірѣ и, во-вторыхъ, истинное счастье не ограничивается ни пространствомъ, ни временемъ, слѣдовательно, имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о вѣчности.

Въ своихъ сочиненіяхъ „Новая эра мысли" и „Четвертое измѣреніе" Хинтонъ, указывая на то, что въ основѣ нашего чувственнаго воспріятія міра лежитъ чувство пространства, очень много и подробно говоритъ о возможности развитія и воспитанія этого чувства пространства и о результатахъ, которое даетъ это развитіе—чувство высшаго пространства сближаетъ насъ съ космическимъ сознаніемъ.

Въ неогеометріи Лобачевскаго мы находимъ указаніе на то, что кромѣ измѣренія въ ширину, высоту и глубину (Ефес. 3, 18) можетъ быть иное измѣреніе, не точно обозначаемое терминомъ „сферичности", на что прикровенно указывалъ еще св. ап. Павелъ, говоря, что знаетъ одного человѣка (только не знаетъ—въ тѣлѣ или внѣ тѣла: Богъ знаетъ), который восхищенъ былъ до третьяго неба (2 Коре.

12, 2, 3). Такъ, по теоріи геометріи—двѣ параллельныя линіи, лежащія на одной и той же плоскости, никогда не могутъ встрѣтиться; по теоріи же неогеометріи, двѣ параллельныя линіи, лежащія на одной и той же плоскости, необходимо пересѣкутся въ безконечномъ пространствѣ въ силу сферичности мірозданія.

Что же касается второго этапа мысли—времени, то достаточно обыкновеннаго будничнаго опыта для убѣжденія въ томъ, что время имѣетъ слишкомъ объективный характеръ; всѣмъ намъ приходилось испытывать психологическое состояніе, заставляющее забывать время. И если мы подъ угломъ этихъ этаповъ мысли станемъ разсматривать вопросъ о счастьѣ, то поймемъ, что его рѣшеніе заключается не въ земной, а въ небесной сферѣ Оно можетъ быть дано лишь разсмотрѣніемъ сущности жизни, не подлежащей условіямъ пространства и времени, т. е. что обычно принято называть терминомъ „вѣчная жизнь“.

Не даромъ поэтъ-мыслитель мечтаетъ мыслью своей проникнуть въ заоблачную высь:

О, какъ-бы я желалъ крылатою мечтою
Проникнуть иногда за грань нѣмыхъ міровъ
И необъятное обнять своей душею,
Освобожденною отъ тягостныхъ оковъ, наложенныхъ землею.

Современная геометрія учитъ насъ, что наши разсужденія о неизмѣримомъ имѣютъ субъективный характеръ, что намъ и безконечно малое можетъ показаться безконечно большимъ, а вообще дѣйствительные размѣры вещей намъ не извѣстны. Такъ, напримѣръ, между-звѣздныя пространства

кажутся намъ громадными, потому, что число, выражающее отношенія нашей собственной величины къ этимъ пространствамъ, превышаетъ наше разумѣніе. Но будучи мѣрою всѣхъ вещей, человѣкъ не имѣетъ мѣры для измѣренія самого себя. Можетъ быть, и наша вселенная въ сущности безконечно мала, и только то обстоятельство, что мы сами представляемъ собою безконечно малую часть этого безконечно малаго цѣлаго заставляетъ насъ смотрѣть на вселенную, какъ на нѣчто безконечно большое. Не кажется ли намъ вселенная такою громадною, и мы въ сравненіи съ нею такими ничтожными только вслѣдствіе того, что наши духовные глаза не открыты? Новая не-эвклидовская геометрія намекаетъ намъ на это. Если кажущуюся дѣйствительность считать дѣйствительностью истинною и если принять, что во всей вселенной обитаема только земля, то получается впечатлѣніе, что вселенная есть безконечно—громадная пустыня, въ безконечно маломъ уголкѣ которой затерялось нѣсколько ничтожныхъ живыхъ существъ, съ жадностью стремящихся къ какому-то невѣдомому счастью. Но если отрѣшиться отъ этого наивнаго міропониманія, если принять—а принять это необходимо—что на какой-то органъ нашего духа накинута повязка, скрывающая отъ его созерцанія дѣйствительный видъ вещей, тогда эта громадность міра не должна смущать насъ. Представимъ себѣ шаръ, изолированный въ пространствѣ, имѣющій верстъ 10 въ діаметрѣ, поверхность его приблизительно будетъ равна 1256 квадратнымъ верстамъ ($4\pi.R^2 = 4.3,14.10^2 = 1256$), представимъ себѣ, что какой нибудь слѣпецъ, помѣщенный на этомъ шарѣ, сталъ бы изслѣдовать его поверхность; двигаясь по линіи большого круга (какъ ходимъ и мы по землѣ) и совершая въ день по 30 верстъ, онъ черезъ двое сутокъ вернулся бы къ своему

исходному пункту, но онъ не догадался бы объ этомъ и могъ бы вѣчно кружиться по кругу, имѣющему 62,8 верстъ длины (2п.R=2.3,14.10=62,8), предполагая, что движется въ безконечность. Если бы онъ могъ изслѣдовать шаръ въ различныхъ направленіяхъ, то пришелъ бы къ заключенію, что онъ находится на нѣкоторой плоскости, тянущейся по всѣмъ направленіямъ въ безконечность, а между тѣмъ весь шаръ равенъ лишь 1256 квадратнымъ верстамъ. Не происходитъ ли нѣчто подобное и съ нами? (Astronomie et Theologie par le R.-P. Th. Ortolan. Paris. 1894 p. p. 1—XII+434).

Что такое время и его продолжительность? Не можетъ ли намъ безконечно малое время показаться безконечно громаднымъ, какъ это можетъ быть съ безконечно малымъ пространствомъ? Для измѣренія времени, какъ и для измѣренія протяженія, мы не имѣемъ объективной единицы. Продолжительность протекшаго времени мы измѣряемъ количествомъ перемѣнъ, протекшихъ въ это время. Единицею времени мы считаемъ періодъ обращенія земли вокругъ своей оси, двадцать четвертую часть этого періода мы называемъ часомъ. Но представимъ себѣ, что земля стала бы вращаться вокругъ своей оси въ милліонъ разъ быстрѣе, въ милліонъ разъ быстрѣе понеслась бы она по своей орбитѣ вокругъ солнца, соотвѣтствующимъ образомъ измѣнилось бы ускореніе, сообщаемое на землѣ тѣламъ силою тяжести, въ милліонъ разъ быстрѣе стали бы совершаться въ насъ физіологическіе и психологическіе процессы. Замѣтили ли бы мы происходящее ускореніе? Нѣтъ; тысячелѣтія, которые тогда въ дѣйствительности были бы менѣе продолжительны, чѣмъ ½ нашихъ сутокъ, казались бы намъ, по прежнему, громаднымъ количе-

ствомъ времени. Можно допустить ускореніе и большее, чѣмъ въ милліонъ разъ, и тогда получится выводъ что всю многовѣковую исторію міра, совершавшуюся въ безконечныхъ междузвѣздныхъ пространствахъ, можно представить протекшею въ теченіе секунды времени въ районѣ, имѣющемъ радіусъ въ одинъ миллиметръ (Астрономія и Богословіе, проф. Глаголевъ. Серг. пос. 1898 г. I—74 стр.).

Итакъ, мы не знаемъ, что представляютъ собою время и пространство въ своей сущности. Безконечное протяженіе вселенной, какъ и вѣчность ея во времени причисляется Кантомъ къ т. н. антиноміямъ или противорѣчіямъ чистаго разума, т. е, онѣ настолько же недоказуемы, какъ и ихъ противоположность. И со временъ Канта ничего не измѣнилось. Безспорно лишь одно, что мы-то знаемъ только одинъ родъ разумныхъ существъ, живущихъ въ условіи пространства и времени и облеченныхъ въ матерію. Эти существа — люди. И вотъ этимъ то существамъ Безконечный Разумъ вселенной открываетъ по безмѣрной любви Своей, что жизнь этихъ разумныхъ существъ не ограничивается предѣлами созерцаемой ими вселенной, а переходитъ въ области невѣдомаго міра — на новомъ небѣ и новой землѣ. Ибо, кто сотворилъ семизвѣздіе и Оріонъ и претворяетъ смертную тѣнь въ ясное утро, а день дѣлаетъ темнымъ, какъ ночь, призываетъ воды морскія и разливаетъ ихъ по лицу земли? Господь — имя Ему (Амос. 5, 8). Самая цѣль пришествія въ міръ Сына Божія, равно какъ и цѣль всего домостроительства нашего спасенія состоитъ именно въ томъ, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 15); Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, воплотился на земли, чтобы возвратить людямъ ту вѣчную жизнь, о которой такъ пламенно мечтаетъ сердце человѣче-

ства. Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому—что увидимъ Его, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2).

Эта вѣчная жизнь и составляетъ вѣчное счастье, которое дастъ оправданіе земной жизни человѣка, и безъ котораго она была бы безцѣльной и непонятной, и только тогда человѣкъ вступаетъ на порогъ этого вѣчнаго счастья, когда у него, какъ и у Экклезіаста, Богъ будетъ не безконечно великой причиной всѣхъ пространственныхъ и временныхъ воспріятій, не основнымъ факторомъ міросознанія, не первой посылкой міропознанія, а жизненнымъ началомъ, одушевляющимъ человѣка и перестраивающимъ его внутреннюю жизнь въ новое творѣніе по Христу, отчего и добро станетъ естественной стихіей человѣка. И только тогда жизнь человѣка, безконечная по времени и безпредѣльная по пространству, будетъ высшимъ универсальнымъ счастьемъ, когда человѣкъ уподобится Богу, и будетъ чувствовать въ себѣ совершенную невозможность достигнуть вѣчнаго счастья безъ вѣчнаго Бога. Самъ Богъ открываетъ человѣку волю Свою въ откровеніи, которымъ просвѣщается и вразумляется познавательная способность ума. Жизнь явилась, свидѣтельствуетъ св. ап. Іоаннъ, и мы видѣли слово жизни и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ (I Іоан. 1, 1 2). Самъ-же человѣкъ не можетъ найти въ самомъ себѣ вѣчнаго счастья, такъ какъ онъ не имѣетъ самобытнаго бытія и, слѣдовательно, какъ подобіе и отобразъ Божества онъ можетъ быть счастливъ лишь постольку, поскольку будетъ чувствовать Бога внутри самого себя. Слѣдовательно, истинное универсальное счастье человѣка заключается въ томъ, чтобы имѣть Бога въ самомъ себѣ, и чтобы пережи-

вать это общеніе не внѣшне-обрядовымъ ритуаломъ жизни, а непосредственнымъ нравственно-органическимъ единеніемъ съ Богомъ, какъ носителемъ вѣчнаго разума вселенной и вѣчной жизни человѣчества.

И такъ какъ для Бога нѣтъ ни пространства, ни времени, то и цѣлью стремленія человѣка является личное общеніе съ Божествомъ внѣ времени и внѣ пространства. Я, пишетъ св. ап. Павелъ, преклоняю колѣна мои передъ Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться Духомъ Его по внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные въ любви, могли постигнуть со всѣми святыми, *что* широта, и долгота, и глубина, и высота и уразумѣть превосходящую разумѣніе, любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіею (Ефес. 3, 14—19). Обѣтованіе самого Спасителя о нравственномъ единеніи со Своими учениками совершенно опредѣленно учитъ объ этомъ. „Мы (т. е. Пресвятая Троица) пріидемъ и обитель у него сотворимъ“. Въ этомъ именно Богообщеніи и заключается высшее наслажденіе человѣка - христіанина. И это наслажденіе не можетъ быть какой то внѣшней наградой для человѣка за исполненіе заповѣдей Божіихъ, а внутреннимъ содержаніемъ и безконечнымъ развитіемъ его земной жизни по пути Богообщенія. При чемъ человѣкъ знаетъ, что не только онъ самъ лично будетъ наслаждаться созерцаніемъ Божества, но и всѣ стремящіеся къ Богопознанію, войдутъ въ Богообщеніе и жизнь ихъ сольется съ общей міровой жизнью во Христѣ, при чемъ отъ этого слитія никто не потеряетъ личности, „ибо Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“ (Лук.).

И если вѣчная жизнь безъ Богопознанія и вѣчное блаженство безъ Богообщенія невозможно, то и начало этого внутренняго переживанія въ себѣ вѣчнаго счастья несомнѣнно относится къ земной жизни, протекающей въ условіяхъ пространства и времени, такъ какъ начало самаго Богопознанія основывается и воспринимается формами нашего мышленія, контролирующаго явленія во времени и пространствѣ; да и самое Богообщеніе предполагаетъ нравственное единеніе подобныхъ по существу личностей въ здѣшнемъ мірѣ, какъ гарантію внутренняго Богообщенія: кто говоритъ: я позналъ Его, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжецъ и нѣтъ въ немъ истины... кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ (I Іоан. 2, 4. 9—10); кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь (гл 4, ст. 8). Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо, не любящій брата сво его, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ? (1 Іоан. 4, 20).

Слѣдовательно, существо вѣчной жизни заключается въ святости, которая обусловливается общеніемъ со всесвятымъ Богомъ, такъ что счастье человѣка—христіанина состоитъ одновременно въ пріобрѣтеніи блаженства и святости, что въ конечномъ результатѣ сливается въ безпредѣльномъ пространствѣ по подобію того, какъ двѣ параллельныя линіи пересѣкаются въ безконечно великомъ пространствѣ, хотя на земной плоскости святой человѣкъ можетъ глубоко страдать и быть глубоко несчастливъ внѣшне. Но разъ онъ выходитъ мысленно за предѣлы сферичности земного бытія, то блаженство и святость становятся для него синонимами.

Итакъ, чтобы получить вѣчное счастье, проистекающее отъ Богообщенія, или — что то же — быть счастливымъ въ жизни вѣчной, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ невѣрныхъ земныхъ законовъ бытія и воспринять въ себя высшій законъ бытія; онъ заключается въ томъ, что прежде всего человѣкъ средоточіе своей жизни полагаетъ не въ себѣ, а въ волѣ Божіей, ибо „въ этомъ все для человѣка“ и то, что мы познали Его, узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ заповѣди Его (Іоан. 2, 3), почему добровольно отдаемъ себя въ подданническое сыновство — всыновленіе Господина всемірнаго универсальнаго Царства. Когда же царствуетъ въ душѣ Богъ, то человѣкъ руководится не естественными законами бытія, а закономъ, даннымъ Богомъ чрезъ Своего Единороднаго Сына, Господа нашего Іисуса Христа. Въ этомъ то воспріятіи жизни по Христу и состоитъ счастье вѣчнаго бытія, потому что человѣкъ становится подобнымъ Христу и пріобрѣтаетъ себѣ то Богопознаніе, которое составляетъ содержаніе вѣчной жизни.

Изъ желанія быть счастливымъ въ Богообщеніи христіанами и предпринимаются всѣ молитвенные подвиги, всѣ аскетическіе труды, переносятся всѣ страданія, такъ что только то считается истинной жертвой, угодной Христу что совершается именно изъ этого желанія. Слѣдовательно, вѣчное счастье въ вѣчной жизни не заключаетъ въ своемъ существѣ ничего такого, что препятствовало бы открытію его здѣсь на землѣ, потому именно, что это счастье, какъ состояніе души человѣческой, не зависитъ отъ условій пространства и времени, не пріурочивается только къ міру загробному, а зависитъ исключительно отъ нравственнаго развитія человѣка, и, слѣдовательно, можетъ начаться для избранныхъ и въ здѣшней жизни, какъ его духовное рожденіе въ

вѣчность. Вотъ почему вѣчную жизнь и необходимо считать продолженіемъ настоящей.

По святоотеческому ученію,—жизнь вѣчная не обусловливается воскресеніемъ изъ мертвыхъ, а она какъ будто даже раньше его и какъ будто бы даже обусловливаетъ его собою. Получить вѣчную жизнь не значитъ перейти изъ одной области бытія въ другую, а значитъ пріобрѣсти извѣстное душевное расположеніе. Вѣчная жизнь, такимъ образомъ, не получается, а постепенно растетъ въ человѣкѣ. Отцы церкви жизнь человѣка вообще представляли себѣ непрестающимъ развитіемъ, которое начинается здѣсь на землѣ и продолжается за гробомъ. Земная жизнь была для нихъ приготовленіемъ къ жизни загробной и именно въ смыслѣ предначатія послѣдней и насажденія ея въ душѣ. Здѣсь на землѣ человѣкъ созидаетъ себѣ то настроеніе, которое будетъ содержаніемъ его жизни за гробомъ. Слѣдовательно, загробная жизнь является прямымъ продолженіемъ жизни настоящей, продолженіемъ по своему содержанію тожественнымъ съ началомъ. И, слѣдовательно, потусторонность вѣчной жизнъ только кажущаяся: христіанинъ еще здѣсь на землѣ долженъ начать вѣчную жизнь, чтобы, насколько возможно, здѣсь же предначать и вѣчное счастье.

Можно указать теперьи направленіе жизни каждой личности

1) Прислушайся въ тихую минуту нравственнаго просвѣтленія къ твоимъ душевнымъ движеніямъ, зовущимъ тебя въ вѣчную жизнь для вѣчнаго счастья: они первые предвѣстники новой жизни; слѣди за ними и укрѣпляй ихъ, если ты хочешь счастья.

2) Дорожи тѣми минутами, когда въ тебѣ незримо совершается притокъ вѣры, надежды и любви, это случится

къ тебѣ въ дверь сердца твоего благодать Божія, влекущая тебя на путь вѣчнаго счастья.

3) Непрерывно стремись, не смотря на все недовольство собственной временной жизни – къ Источнику вѣчной жизни, и ты здѣсь обрѣтешь блаженную и несокрушимую увѣренность въ будущей жизни.

4) Теперь же—по выраженію бл. Августина—ama et fac, quod vis,—т. е. люби и дѣлай, что хочешь и если живетъ Христосъ въ твоемъ сердцѣ, ты здѣсь на землѣ будешь предвкушать небесную радость и счастье.

Если же вѣчное счастье возможно и въ земной жизни, то всѣ слова Священнаго Писанія объ открытіи новой совершенно особой жизни, которое произойдетъ послѣ всеобщаго воскресенія и обновленія, означаютъ лишь то, что здѣсь на землѣ не можетъ быть полнаго раскрытія вѣчной жизни и полученія всеобъемлющаго вѣчнаго счастья, что какъ вѣчная жизнь, такъ и вѣчное счастье частично дается человѣку въ настоящемъ вѣкѣ въ видѣ залога, въ будущемъ же—во всей полнотѣ. Причина этого не въ существѣ вѣчной жизни, а въ состояніи теперешняго міра, и въ немъ—человѣка. Здѣсь человѣкъ только готовится къ вѣчной жизни, а между тѣмъ эта жизнь „внутри его“. Нужно очистить душу отъ грѣха, тогда и почувствуется неизъяснимое счастье, которое человѣкъ имѣетъ получить въ полнотѣ, по откровенію, на страшномъ судѣ. Грѣшники, т е. не имѣющіе въ себѣ залога вѣчной жизни, не могутъ получить и вѣчнаго счастья: они, по Писанію, „отходятъ, въ тьму кромѣшнюю“, потому что не сохранили и не развили въ себѣ Богодарованнаго задатка; такъ что самое Богообщеніе для грѣшниковъ явится не вѣчнымъ счастьемъ, а вѣчнымъ пламенемъ, огнемъ пожирающимъ. Въ Священномъ Писаніи прямо гово-

рится, что грѣшники въ самихъ себѣ носятъ огонь, который и пожжетъ ихъ въ день Суда. „Вы, свидѣтельствуетъ пророкъ Исаія, беременны сѣномъ, разродитесь соломой, дыханіе ваше—огонь, который пожжетъ васъ“ (Исаія 33 гл. II ст.).

Все это и объясняется въ притчѣ о Богатомъ и Лазарѣ. „Авраамъ сказалъ богатому, мучившемуся въ адѣ: чадо, вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того, между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ“. Переходъ послѣ всеобщаго страшнаго суда невозможенъ. Самое существо дѣла не допускаетъ такой перемѣны, такъ какъ существуетъ нѣкоторая, какъ бы естественная, необходимость, въ силу которой положеніе вещей измѣниться не можетъ. Разъ человѣкъ устроилъ себя по образу Божію, то онъ за гробомъ найдетъ только оправданіе своего устроенія и сродную себѣ стихію жизни. Если же человѣкъ дѣлалъ зло, тогда, конечно, и въ вѣчной жизни онъ найдетъ не вѣчное счастье, а лишь обличеніе своей жизни, только ея полное отрицаніе. Такимъ образомъ, каждый получаетъ то, къ чему приготовлена его душа. Когда душа Лазаря занята исключительно настоящимъ и не обращается ни къ чему оставленному, богатый и по смерти, какъ бы составомъ какимъ приваренъ къ плотской жизни, которой и по кончинѣ не совлекся совершенно, напротивъ, предметомъ заботъ его являются еще плоть и кровь. Изъ того факта, какъ онъ проситъ объ избавленіи отъ зла находящихся съ нимъ въ родственномъ союзѣ, явно, что онъ не освободился еще отъ плотского пристрастія. „Притчею сей, говоритъ св. Григорій, Господь учитъ слѣдующему: живущіе во плоти всего болѣе должны добродѣтельною жизнью отдаляться и отрѣ-

шаться отъ привязанности къ плотскому, чтобы по смерти снова не было намъ нужды въ новой смерти, очищающей отъ остатковъ плотского припая, но чтобы теченіе души ко благу, какъ бы по расторженію какихъ узъ, сдѣлалось легкимъ и свободнымъ, когда никакая тѣлесная скорбь не будетъ отвлекать ее къ себѣ. Если кто и всецѣло оплотянѣлъ умомъ, всякое движеніе и дѣйствіе души занимая исполненіемъ желанія плоти, то, ставъ и внѣ плоти, не разстается таковый съ плотскими страстями, но подобно прожившимъ долгое время въ зловонномъ мѣстѣ, которые, когда перейдутъ туда, гдѣ воздухъ свѣжъ, не очищаются отъ непріятнаго запаха, какимъ запаслись въ долговременное пребываніе въ немъ, такъ и плотолюбцамъ при переходѣ ихъ въ жизнь невидимую, невозможно конечно, не привлечь съ собою сколько нибудь плотскаго зловонія, отъ котораго мученіе ихъ дѣлается для нихъ еще болѣе тяжелымъ, потому что душа отъ этого грубѣе овеществляется. Другими словами, загробныя мученія не есть нѣчто совершенно новое для грѣшника: корень свой они имѣютъ опять таки въ его душѣ: въ томъ, что она, преданная плотскимъ вожделѣніямъ на землѣ, по переходѣ въ загробный міръ, какъ овеществленная, оказывается совершенно не приготовленною къ духовному существованію и такимъ образомъ мучится въ своемъ родѣ духовнымъ голодомъ.

Счастье вѣчной жизни универсально какъ для живыхъ, такъ и для умершихъ. Всякій, кто стремится къ нему, достигаетъ его. Даже болѣе того, живые могутъ содѣйствовать умершимъ въ достиженіи этого счастья. Смерть въ чистомъ видѣ выдѣляетъ какъ добро, такъ и зло, но это не значитъ, чтобы духовное содержаніе души, отходящей въ загробный міръ, оставалось на точкѣ замерзанія.

Такъ какъ переходъ къ вѣчной жизни требуетъ отъ души наивысшаго напряженія его силъ, которыя, конечно, могутъ пріослабѣть въ этомъ процессѣ, то естественно, что для вѣчной жизни, являющейся прямымъ продолженіемъ земной, необходимо духовное общеніе живыхъ личностей, сущихъ на землѣ, съ живыми личностями, перешедшими по ту сторону земной жизни. Если на землѣ такъ часто бываетъ, что въ борьбѣ со своими страстями человѣкъ нуждается въ поддержкѣ сочувствующихъ ему сочленовъ общества, т. е. членовъ церкви, то естественно, что то же должно наблюдать и въ загробной жизни, гдѣ такой поддержкой для души умершаго при вступленіи ея въ вѣчную жизнь, неограниченную пространствомъ и временемъ, является молитва, неограниченная пространствомъ и временемъ, принесеніе безкровной жертвы, предназначенной отъ сотворенія міра и милостыней, соединяющей въ себѣ духовный элементъ съ матеріальной помощью. Если сила притяженія между землею и другими планетами въ безпредѣльности вселенной создаетъ дѣйствительную, прочную, живую и неоспоримую связь ихъ, наличность которой доказана точными астрономическими наблюденіями, то можно смѣло утверждать, что тотъ же естественный законъ господствуетъ и въ духовномъ мірѣ, т. е. что между двумя существами, одинаковыми по природѣ и разлученными другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, существуетъ не механическое, а чисто нравственное общеніе и духовная связь. Это также подтверждается святоотеческимъ ученіемъ. „Несомнѣнно, говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ, что каждый человѣкъ, имѣвшій въ себѣ закваску добродѣтели, но не успѣвшій превратить ее въ хлѣбъ потому, что хотя и хотѣлъ, но не могъ сего сдѣлать или по лѣности, или по безпечности, или человѣческой немощи, или потому что отлагалъ сіе со дня на

день, и сверхъ чаянія постигнутъ смертью,—не будетъ забытъ Праведнымъ Судіею и Владыкою; но по смерти его Господь возбудитъ его родныхъ, ближнихъ и друзей, направитъ мысли ихъ, привлечетъ сердца и преклонитъ души ихъ къ оказанію пособія и помощи ему". Другой отецъ церкви, Ефремъ Сиринъ путемъ аналогій уясняетъ возможность вліянія нашихъ молитвъ за умершихъ и ихъ благотворность: „смотрите, говоритъ онъ, вотъ и примѣръ сему представляютъ нѣкоторыя творенія Божіи, какъ то:—виноградъ—его зрѣющіе грозди въ полѣ и выдавленное вино въ сосудахъ: когда созрѣютъ ягоды на виноградной лозѣ, тогда вино стоящее въ домѣ неподвижно, начинаетъ пѣниться и волноваться, какъ бы желая убѣжать. То же бываетъ, кажется, съ растеніемъ—съ лукомъ: ибо какъ скоро начнетъ созрѣвать лукъ, посаженный въ полѣ, въ то время даетъ отпрыскъ и лукъ, находящійся въ домѣ. И такъ, если и растенія имѣютъ между собою такое сообщеніе,—то не болѣе ли для умершихъ ощутительны молитвенныя приношенія? Когда же благоразумно согласишься на то, что сіе происходитъ сообразно съ природою тварей: то представляй себѣ, что мы начатокъ тварей Божіихъ".

Сердце наше желаетъ даже большаго, чтобы и міры, свѣтящіе надъ нами, были обитаемы, чтобы и на нихъ жили разумно-нравственныя существа, чтобы между ними и нами была духовная связь. Божественное откровеніе успокаиваетъ мысль человѣка открытіемъ тайны о существованіи безчисленнаго міра духовъ. Эта вѣра въ архангеловъ и ангеловъ, хранителей, постоянно пребывающихъ близъ насъ и охраняющихъ насъ на всѣхъ путяхъ нашихъ, говоритъ сердцу нашему гораздо больше, чѣмъ гипотеза о существованіи жителей на Марсѣ, проводящихъ каналы на своихъ матери-

кахъ, потому что съ этими ангелами люди имѣютъ войти въ духовное общеніе при концѣ и обновленіи земли, конецъ которой и будетъ преобразованіемъ всей вселенной. Основаніе такому пониманію мы имѣемъ въ словахъ св. ап. Павла (Ефес. 1, 9 и 10): Богъ открылъ намъ тайну Своей воли, по Своему благоволенію, которое Онъ прежде положилъ въ Немъ, въ устроеніе полноты временъ, дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ. Слѣд., Христосъ и пришелъ затѣмъ, чтобы возсоединить то, что было разрушено—возглавити всяческая (сред р. παντα), т. е. всѣ разумныя сотворенныя существа. Собственно намѣреніе Бога, какъ то возвѣщено Его Откровеніемъ, возглавить всяческая о Христѣ, имѣетъ въ виду человѣчество, а чрезъ Него все живущее „яже на небесѣхъ“—нѣкоторые (напр. св. Златоустъ) относятъ къ ангеламъ, другіе (Беда Достопочтенный)—къ душамъ благочестивыхъ ветхозавѣтныхъ іудеевъ. Можно соединить и то и другое объясненіе. Дѣло спасенія должно устранить разстройство, произведенное грѣхомъ и водворить миръ на небѣ и на землѣ, который царствовалъ до грѣхопаденія.

До совершенія спасенія и ангелы не были внѣ опасности нравственнаго паденія, а потомъ утвердились въ добрѣ и вѣрѣ. Соединилъ „всяческая“ и значитъ утвердилъ въ вѣрѣ. „Христосъ смертію своею соединилъ всяческая, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, *люди явились на небѣ, ангелы на землѣ*, чтобы служить людямъ и способствовать ихъ спасенію“. Безмѣрно велико могущество Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйствію державной силы Его, которою Онъ воздѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени,

именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его и поставилъ Его выше всего, главою церкви, которая есть Тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ (Еф. 1, 20 23). Покорилъ все —однихъ для вѣчнаго счастья и блаженства, другихъ – для осужденія вѣчныхъ мукъ.

Нынѣ, смотря на мертвыхъ, опуская тѣла ихъ въ могилу, невольно предносится человѣку, что онъ уже съ ними простился на вѣки, такъ какъ онъ не можетъ опытно доказать, чтобы истлѣвшее тѣло когда либо ожило и возстало, но и это такая же человѣческая ошибка, какъ ошибка при исчисленіи во времени и пространствѣ. Внѣ времени и внѣ пространства—такъ оно и будетъ. Таковъ у Бога законъ: Онъ тлѣнное облечетъ въ нетлѣніе и мертвенное сдѣлаетъ безсмертнымъ. Изъ разсужденій св. о.о. и учителей Церкви, касавшихся вопроса о возможности воскресенія мертвыхъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ слово св. Кирилла Іерусалимскаго. „Пусть будутъ смѣшаны, говоритъ онъ, различныя сѣмена растеній и сіи различныя сѣмена растеній будутъ находиться, въ одной горсти твоей: для тебя—человѣка трудно ли, или, напротивъ, легко различить, что находится въ твоей горсти, и сѣмена каждаго растенія по свойству ихъ отдѣлить, и дать имъ свое мѣсто, чтобы расти? Такъ, ты можешь различить и привесть въ прежнее состояніе, что находится въ рукѣ твоей; а Богъ ужели не можетъ различить и привесть въ прежнее состояніе, что находится въ горсти Его?“ „Подумай, говор. св. Златоустъ, сколько вещей Богъ сотворилъ изъ ничего, и—въ твореніи ты найдешь залогъ воскресенія. Твореніе міра еще труднѣе представить, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Здѣсь будетъ по крайней мѣрѣ готовое вещество, а тамъ и того не было“.

Дѣйствіе всемогущества Бога, по коему совершится воскресеніе мертвыхъ будетъ простерто на всѣхъ умершихъ: наступитъ то время, въ которое всѣ находящіеся въ гробахъ (что бы ни было этимъ гробомъ могила ли земная, утроба-ли звѣря, или волны морскія) услышатъ гласъ Сына Божія, и взыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія (Іоан. 5, 28). Залогомъ нашей вѣчной жизни и вѣчнаго счастья послѣ нашего воскресенія служитъ неопровержимый историческій фактъ воскресенія Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ Своимъ доказалъ фактически и въ доступной для насъ формѣ, ибо сдѣлалъ это во времени и въ пространствѣ, что и наше воскресеніе не только возможно, но и безъ сомнѣнія будетъ, но только внѣ времени и внѣ пространства, мыслимыхъ нами. Я сошелъ съ небесъ, говоритъ о Себѣ Спаситель, не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца; воля же пославшаго Меня есть та, чтобы изъ того, что онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣдній день, воля пославшаго Меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. 6, 38—40).

„Какъ же и когда это будетъ? спросилъ я у Бога;“ почему наши лѣта малы и несчастны? „Не спѣши подниматься, отвѣчалъ Онъ, выше Всевышняго, ибо напрасно спѣшишь быть выше Его; слишкомъ далеко заходишь. Не о томъ же ли вопрошали души праведныхъ въ затворахъ своихъ, говоря: доколѣ такимъ образомъ будемъ мы надѣяться? и когда плодъ нашего возмездія? На это отвѣчалъ мнѣ Іеремилъ Архангелъ: когда исполнится число сѣменъ въ васъ, ибо Всевышній на вѣсахъ взвѣсилъ вѣкъ сей, и мѣрою измѣрилъ времена и числомъ исчислилъ часы—

и не подвинетъ и не ускоритъ до тѣхъ поръ, доколѣ не исполнится опредѣленная мѣра. „Я же въ отвѣтъ на это сказалъ Ему: „о Владыко Господи, а мы всѣ преисполнены нечестіемъ. И можетъ быть изъ-за насъ не наполняются житницы праведныхъ и ради грѣховъ живущихъ на землѣ". На это Онъ отвѣчалъ мнѣ: „пойди спроси беременную женщину: могутъ ли, по исполненіи девятимѣсячнаго срока, ложесна ея удержать въ себѣ плодъ? Я сказалъ: „не могутъ". Тогда онъ сказалъ мнѣ: „подобны ложеснамъ и обиталища душъ въ преисподней. Какъ рождающая спѣшитъ родить, чтобы освободиться отъ болѣзней рожденія, такъ и эти спѣшатъ отдать ввѣренное имъ (3 Ездр. 4, 33—42).

Когда же это случится, тогда исполнится слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ твое, смерть, жало? Гдѣ, адъ, твой трофей? „Тогда будетъ у Бога великій праздникъ; у праведныхъ людей и ангеловъ великое ликованіе: тогда настанетъ на небѣ вѣчная весна и христіанскія кладбища дадутъ для неба вѣчно юную, вѣчно зеленѣющую, вѣчно цвѣтущую и развивающуюся растительность. Смерть даже и на здѣшней землѣ не можетъ нарушить счастья человѣка, потому что въ каждомъ умершемъ человѣкѣ—будетъ то другъ, мать, сестра, жена,—христіанинъ видитъ зрѣлый колосъ на нивѣ Господней, и Господь посылаетъ жателей Своихъ, чтобы они взяли его въ житницу свою, гдѣ его ждетъ „не сонъ вѣковой, а міръ благодатно—прекрасный". И если всеблагому промыслу угодно, чтобы человѣкъ въ часъ смертный разлучался съ любимыми до новаго свиданія, то даже самая грусть его растворяется отрадой небесной, и онъ способенъ вполнѣ сознательно „трудиться, бороться, и ждать пока не наступитъ" свиданіе внѣ времени и внѣ пространства, гдѣ онъ получитъ и вѣчную жизнь и вѣчное

счастье со всѣми дорогими, милыми, родными и близкими людьми.

Мы, христіане, глубоко вѣруемъ этому, и предъ всѣмъ свѣтомъ громко исповѣдуемъ это, ибо самъ Спаситель сказалъ: да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте. Въ домѣ Отца Моего обителей много. А если бы не такъ, Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были тамъ, гдѣ Я. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, павши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода. Любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ—сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ: и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ, того почтитъ Отецъ Мой. Миръ оставляю Вамъ, миръ Мой даю вамъ не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: Иду отъ всѣхъ и приду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу; Я сказалъ вамъ о томъ, прежде нежели сбылось, дабы вы повѣрили, когда сбудется. Какъ возлюбилъ Меня Отецъ и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моей, какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего и пребываю въ Его любви. Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповѣдую вамъ. Истинно, истинно говорю вамъ; вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете,

но печаль ваша въ радость будетъ. Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ. Такъ и вы, теперь имѣете печаль; но Я увижу васъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ. Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ. (Іоан. 14, 1—3; 12, 24—25; 14, 27—29; 15; 9—14; 16, 20—22—33).

Если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди. Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; и кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ; а Я возлюблю Его и явлюся ему Самъ (Іоан. 14, 15—21). Тогда для всѣхъ наступитъ вѣчное счастье и вѣчная жизнь!

Протоіерей *Василій Сокольскій.*

Библиотека
Православной
Академии.

Извлечено изъ № 4 и 5, ж. «Вѣра и Жизнь», за 1914 г.